

Катерина Библибина

г. Новосибирск

В нашем городе осень тихонько стоит
за заставой,
За границей шоссейных маршрутов
и лентами рек.

И еще не закончилось лето. Вот только
усталость,
Подобравшись неслышно, сбавляет
стремительный бег.

И я снова болею дождями и сыростью
окон.

И в промокшей до нитки одежде
простуда – как факт.
Не спасение – зонт. А пиджак, как и плащ,
где-то скомкан,
И пылится до срока в расставленных
наспех шкафах.

В нашем городе осень. Почти началась.
Тихо дышит.
Тихо шепчет листе и домам
беспокойные сны.
Осторожно – пока что – дождем
барабанит по крышам.
И осколочность лета торопится в лужах
умыть.

В нашем городе осень. Ну, здравствуй,
мое отраженье.
Мне, родившейся летом - вот странно –
ты стала сестрой.

Я замру на границе сезонов за миг до
сближенья.
Здравствуй, осень... в тебя окунусь с
головой...

Будешь винить меня смертной обидой
и ядом кураре.
Я не сдаюсь на поруки и даже в аренду.
Я же сорвусь и уеду, конечно, уеду -
Ложечка в чае, коньяк и чужие вокзалы.

Осень по горлу хлестнет застарелой
разлукой -
Слишком давно меня ею пугали, устала
бояться -
Стянет, как узел на шарфе дурного паяца.
Плох кукловод, или слишком наскучила
кукла?

И, захлебнувшись до хрипа больной
асфиксией -
шарф непременно, послушай же, должен
быть красным!
Чтобы стелился по первому снегу
расхристанной кляксой -
Я прошепчу, улыбаясь, найду в себе силы:

Кукла бывала порою строптива, порою
наивна.
Только всегда вопреки ожиданиям зала.
Ты все сказал. И я тоже, конечно,
сказала...

Но, я прошу, если будет удар,
то не в спину.

Вот такая, значит, Господи, мне награда?
Я забыла рай, я не помнила ада,
Я не видела августовского звездопада,
Не ловила звезду, но она упала
На мою ладонь и теперь живет у меня
в груди.

И не знаю – плакать ли? веселиться?
Что ж мне делать с этой шальной птицей?
Вот пригелась и, надо же, не боится,
И клюет с ладони, и так стучится
В унисон с моим сердцем, в глаза глядит.

Дай ее мне, господи, не обидеть,
Не помять ей крылья. Она навывлет
Словно смотрит в меня и как будто видит
Всю меня насквозь. Ну а что там выйдет...
Коль захочет, господи, пусть летит.

Чтобы ярче дни, чтобы жарче ночи!
Чтоб летела выше и дальше прочих!
Только сделай ее веселей и звонче,
Ветер крыльям дай... А она улетать
не хочет
И доверчиво на ладошке моей сидит...

Кружево слов - как колдовство.
Нитей судьбы - паутиная дымка.
Или у Парок случилась заминка,
Или со мной у них все же родство.

Кружево дней вьётся быстрее,
Чем успеваю взглядеться в узоры.
Парки, я знаю, в решениях скоры,
Срезанных нитей не станут жалеть.

Если стянуть времени суть
В узел, который распутать не смогут,
Вряд ли кого позовут на подмогу -
Ножницы молнией в пальцах сверкнут!

И не проси веры и сил,
Не умоляй длиться минуты.
Парки - лишь суть механической куклы
Тех, кто им ножницы в руки вложил.

Каждый мой шаг - жажда дышать!
Я тороплюсь, узелки распуская,
Чтобы небесные соглядатаи
Ножниц своих не успели поднять.

Записать бы тебя по нотам осенней
песней,
Сохранить у сердца тлеющим огоньком.
У меня к тебе такая нежность, что стало
тесно

В этом городе прокуренном и пустом.
Я не вижу ни трамваев, ни остановок,
У меня на всех картах забит лишь один
маршрут.

Если б мне предложили начать все снова,
Повторила бы каждую из минут.
Записать бы твои шаги по брусчатке - эхом,
Чтоб звучали с пульсом слаженно, в унисон.
У меня к тебе такая радость звенящим
смехом!

У меня с тобой сансарово колесо.
Словно нам от прошлых жизней осталась
память.

Словно знаю до дрожи в пальцах тебя такой.
Ничего не хочу ни вычеркнуть, ни исправить.
Только зарифмованной быть строкой -
Чтобы длиться в тебе, проникать сквозь
тебя навывлет

И звучать твоим голосом вечность
длиною в жизнь.

За-пи-сать бы тебя... в небесном
пергаменте звёздной пылью,
Чтобы в следующей жизни мы снова
с тобой сбылись.

